

— На лекциях Славик вёл себя в своём стиле: задавал вопросы с наивным видом дурачка, и, как всегда, сначала от него отмахивались (Славика хорошо знали магнитосферщики, а широкой ионосферной публике он не был известен), а потом зауважали, прочувствовав и глубину вопросов и общую эрудицию Славы. Как-то он затеял дискуссию с председательствовавшим Трахтенгерцем по хорошо знакомым лишь им обоим вещам (Трахтенгерц тоже магнитосферщик). Данилова это почему-то взбесило (как организатор Школы он был весь задёрванный) и он взорвался: наорал при всех на Славика с Трахтенгерцем - нечего, мол, тут свою эрудицию демонстрировать, это школа, а не семинар, надо уважать слушателей, и т.д., и т.п. Славик ему тут же нагрубил под лозунгом: где свобода, мол, дискуссий? Трахтенгерц мягко оправдывался, а Данилов принёс извинения за вспыльчивость, но уже после лекции и не при всех слушателях Школы, а на совещании лекторов, которое он провёл, разъясняя свою позицию в свете задач Школы.

— Моя лекция прошла хорошо. Я постарался, ориентируясь на немцев, чтобы им было понятно (а то иностранцы сетовали, что лектора читают слишком быстро и ничего невозможно понять), и Данилов меня похвалил - это как раз, мол, то, что надо. Я и сам чувствовал, что получилось хорошо, и комплиментов много выслушал, из которых самыми приятными были от Ивановского (о нём позже) и от Славика: ему понравилось не столько сама лекция, сколько как я отвечал на вопросы.

— После дискуссии по моей лекции выступал Гречко - космонавт. По результатам своих визуальных наблюдений в космосе он готовил докторскую диссертацию и теперь обкатывал её на разных научных сборищах. Опекал его в Сочи Серёжа Авакян. В последние годы Серёжа активно сотрудничал с космонавтами - Ковалёнком, Иванченковым, теперь вот с Гречко, чем страшно гордился. В Медео, на конференции по волновым возмущениям, ходила эпиграмма Казимировского, начинавшаяся строками:

_____ "Знакомством с космонавтом пьян
_____ в Медео едет Авакян..."

Гречко выступал неплохо, хорошо держался перед аудиторией, но результаты его с научной точки зрения были хлипковаты. Вина в том была не его, просто серьёзной аппаратуры на борту орбитальной станции "Салют" не было, и вся его научная деятельность в космосе заключалась в рассматривании, зарисовывании и фотографировании верхних слоев атмосферы через иллюминатор станции. В чём-то его наблюдения не сходились с наблюдениями Ковалёнка и Иванченкова, что и преподносилось как научная проблема. Кто-то спросил Гречко:

- Как там насчёт НЛО?

Гречко, улыбаясь, показал цветную фотографию, где он снят рядом с приземлившейся "летающей тарелкой", впечатляющей своим вполне натуральным видом. Оказалось, это он консультировал на съёмках какого-то научно-фантастического фильма. Рассказал ещё, как каким-то вновь прибывшим на станцию космонавтам старожилы показали фокус (на полном серьёзе): постучали по иллюминатору, от обшивки отделились пылинки, которые в солнечных лучах на фоне чёрного неба выглядели как какие-то загадочные отдалённые объекты, и позвали новичков смотреть. Те бросились зарисовывать эти НЛО в свои блокноты и описывать их движение.

— Участников Школы возили два раза на экскурсии: в Сухуми, и на озеро Рица. Знаменитый обезьяний питомник в Сухуми произвёл на меня унылое впечатление. Я представлял себе, что там обезьяны чуть ли не на свободе живут, а они, бедные, сидят в обычных клетках или толпятся в вольере, где ни одной веточки, ни листика зелёного нет, одни камни да палки, всё обезьяны же и уничтожили. Тесно им там.

— Шашлыки поесть с вином или хачапури в Сухуми тоже не так уж просто - хоть и не сезон, а очереди, дорого всё и не слишком аппетитно. Обслуживают, разумеется, по-хамски, если червонцами не швыряешься. Затарились, правда, вином местным полусухим: "Псоу", "Анакопия", да бутылку чачи госпроизводства в магазине купил для экзотики домой отвезти.

— Понравилась дорога к озеру Рица, уже в окрестностях самого озера: тесный каньон какой-то речушки, потом подъём вверх по краю пропасти - из окна автобуса смотришь, а обочины дороги не видно, обрыв и та же дорога где-то далеко внизу вьётся. Да и озеро, конечно, великолепно, оно значительно меньше, чем Телецкое, теснее сжато горами, и горы намного солиднее, со снеговыми вершинами вдали.

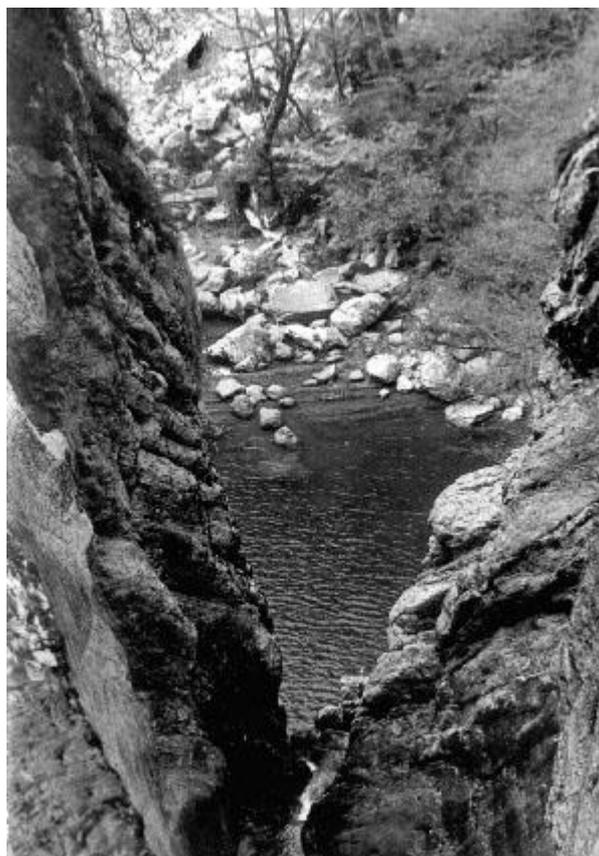
Озеро Рица, ноябрь 1980 г.

Но цивилизация всё испоганила. Берег застроен предприятиями общепита: там ресторан, тут кафе, там шашлычная, здесь другая, бар, ларьки и т.д., и т.п. За три рубля - пять кусочков мяса, лепёшка мамалыги и пучок зелени, ещё три рубля - бутылка вина, это минимальный по стоимости вариант. Плати, пей, ешь и можешь ещё на катере по озеру прокатиться - стандартная программа для экскурсантов. Даже погулять особенно-то негде, все тропы ведут только от одной торговой точки до другой и больше никуда. Правда, есть одна дорога куда-то на перевал, через который в Сухуми можно выйти, но это для специального похода. Где-то здесь одна из дач Сталина, ради которой, собственно, до войны ещё и построили дорогу к озеру, но туда почему-то экскурсий не устраивают, а было бы интересно.

7-го ноября школьников обязательным порядком повезли в Сочи на демонстрацию. По этому случаю на завтрак были поданы бутерброды с чёрной икрой, подсохшей уже,

правда, но всё-таки. Мы со Славиком, Володей и Колей сразу после завтрака смылись из лагеря. Пошли сначала на берег моря, поглазели на несознательных рыбаков, которые в такой день вместо того, чтобы демонстрировать преданность партии и правительству, заняли свои привычные места на волнорезах и таскали из моря всякую дрянь.

— Клюёт там всегда хорошо, но вот рыба уж больно несимпатичная и на настоящую рыбу непохожая - бычки, морские собаки какие-то и что-то плоско-серебристое, называемое почему-то окунями. Попадались на донки и крупные экземпляры, например, какая-то экзотичная рыба, действительно смахивающая на окуня: горбатая, полосатая, с яркой окраской, но губатая пасть совсем не окунёвая. Один раз при мне вытащили крупную кефаль - это уже порядочная рыбина. Ловят их на донки, упрятывая в шар из хлебного мякиша размером чуть ли не в куриное яйцо целый пучок крючков на коротких упругих поводках из лесы 0,4, иначе подсечь кефаль не удаётся. Но в целом черноморская рыбалка не показалась мне увлекательной, хотя приятно, конечно, сидеть на заре с удочкой у моря. Правда, вот удилица - здоровенные, тяжёлые, так что сидеть приходится не с удочкой в руке, а рядом с удочкой, укреплённой на волнорезе.

Река Агура, ноябрь 1980 г.

— Отойдя по берегу на километр от "Спутника", мы поднялись на дорогу, вернулись по ней к Агуре и пошли по Агурскому ущелью вверх к водопадам. В поисках интересных кадров я подходил к самому краю обрыва, иногда прямо повисая над Агурой,

ухватившись за дерево, чем очень нервировал Славика, а меня это почему-то только веселило. На мостике перед самым высоким водопадом мы повстречали Ларису Абрамовну Юдович и Антенну Семёновну Беспрозванную, тоже прогуливавших демонстрацию. Коля сфотографировал нас с ними на память.

— От Валерия Михайловича пришла через несколько дней ещё одна телеграмма, в которой он сообщал, что отправил в ИЗМИРАН телеграммы на имя Беньковой и Лобачевского об одобрении моей работы и своём согласии мне оппонировать и письмо с отзывом на имя Лобачевского. Это, конечно, меня очень обрадовало. А тут ещё с Ивановским удачно получилось.

— Андрея Ивановича Ивановского, нестарого ещё, около пятидесяти, доктора наук из ЦАО, я увидел здесь на школе впервые, а фамилию-то его знал давно, главным образом, по монографии "Кинетическая теория верхней атмосферы". Ивановский - специалист по термосфере, на ионосферных сборищах появлялся редко, потому-то я с ним и не был знаком до сих пор, но его работы всем ионосферщикам-теоретикам известны были хорошо, и авторитетом в их глазах он, бесспорно, обладал высоким. На школе он был одним из самых активных участников дискуссий, вроде Славика, только держался всегда корректно. По его вопросам и выступлениям чувствовался высокий класс, глубокое понимание физики и широкая эрудиция на в общем-то средненьком фоне большинства слушателей.

— Ему понравилась моя лекция, что мне очень польстило, больше даже, чем похвала Данилова. Ивановский заинтересовался результатами наших работ со Смертиным по ВГВ, и вполне естественным получилось то, что я дал ему почитать свою диссертацию и попросил дать оценку работы в целом. Он изучал её всю очень старательно, занимаясь этим в своём номере, где жил, между прочим, вместе с Ивановым-Холодным, и оценил мою работу неожиданно очень высоко, хотя и сделал какие-то критические замечания по поводу некоторых неучтённых членов в уравнениях.

— Ивановский попросил прислать к ним в ЦАО перед защитой автореферат и обещал написать на него отзыв. Просить у него отзыв для секции я не стал, полагая, что будет достаточно отзыва Полякова, да и для секции Ивановский всё-таки не был известной фигурой.

— В общем, с диссертацией всё складывалось как будто бы хорошо, несмотря даже на отсутствие Полякова.

— Как-то вечером мне пришлось, провожать Наталью Павловну на автобус (она жила в Сочи, в гостинице). Наталья Павловна стала расспрашивать меня про мои диссертационные дела, интересуясь, главным образом, как у нас с Марсом обстоят отношения. Я рассказал ей подробности нашей последней с ним встречи, на что Наталья Павловна в качестве наставления напомнила мне старинный анекдот: "Пришёл купец в ресторан и заказал себе шницель. Принёс ему официант шницель, а купец орёт: - Ты что, скотина, мне принёс?! Я тебе бифштекс заказывал! - А бифштексов и в меню-то не было. Но официант спорить не стал, забрал блюдо, ушёл на кухню, веточку петрушки сверху на то же блюдо положил и понёс обратно. Купец блюдо взял и проворчал только: - Нет, чтобы сразу принести, что нужно, подлец! Ступай вон."

— - Вот и Вам не нужно было с Марсом спорить. Забрали бы диссертацию, где-нибудь что-нибудь изменили бы немного и снова принесли. Он бы и утихомирился.

— То же, что и Лобачевский мне советовал. Так Наталья Павловна и осталась при своём мнении, что с Марсом я обязательно должен поладить, и я понял, что без этого на её поддержку мне рассчитывать нечего.

(продолжение следует)